

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.2

АРХЕТИП И СМЫСЛ КУЛЬТУРЫ

Н.С. Вдовушкина

Саратовский государственный университет
E-mail: attury@yandex.ru

Данная статья посвящена рассмотрению соотношения архетипа и смысла с точки зрения философского подхода. Основная идея работы заключается в том, что архетипы могли явиться психологическим основанием для возникновения культуры как феномена.

Ключевые слова: архетип, смысл, культура, сознание, коллективное бессознательное, антропология, психология, философия, культурология.

Archetype and the Sense of Culture

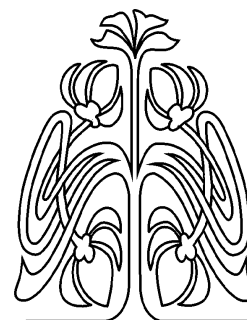
N.S. Vdovushkina

This article is dedicated to studying of the correlation of archetype and sense from the point of view of philosophy. The main idea of this article: archetypes can be the psychological basis for the generation of the culture as phenomenon.

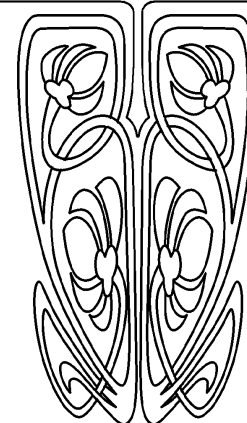
Key words: archetype, sense, culture, consciousness, the collective unconscious, anthropology, psychology, philosophy, cultural studies.

Культура относительно недавно стала предметом пристального внимания науки. Понимание культуры не только как символического, но и как смыслового пространства, с точки зрения архетипического подхода позволяет отметить одну особенность. С одной стороны, культура предстает как пространство понимания, с другой стороны, мы постоянно отмечаем наличие в ней структур бессознательного – при этом результатом как процесса понимания, так и процесса бессознательного оперирования полученными данными является возникновение некоторого смысла, воплощенного в символической форме. О символических формах, воплощающих архетипические содержания, написано уже немало. «Но каким образом мы придаем смысл? Откуда мы его, в конечном счете, берем? Формами придания смысла нам служат исторически возникшие категории, восходящие к туманной древности <...> Все они восходят, в конечном счете, к лежащим в основании архетипическим праформам»¹. В работах К.Г. Юнга очень часто встречаются упоминания о смысловом содержании символов, о важности смысла как такового.

В этой работе нам хотелось бы продолжить философскую линию аналитической психологии и коснуться проблемы соотношения *архетипа* и *смысла* как органических составляющих культурогенеза. К сожалению, в рамках одной статьи невозможно осветить всю теоретическую базу, поэтому будут затронуты три основных вопроса. Во-первых, что есть смысл по отношению к архетипу с точки зрения культурфилософского подхода. Во-вторых, мы будем говорить об архетипах как психическом основании культуры – как о ее источнике. В-третьих, встает вопрос об онтологическом статусе самого смысла.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Ни архетип, ни смысл не существуют без некоторого символического выражения, и если символ непосредственно представлен в актуальной реальности, то ни архетип, ни смысл таким качеством не обладают. Символ, как известно, имеет большой семантический потенциал, содержит множество смысловых пластов, т.е. фактически не имеет собственного значения. Архетип представлен, если можно так выразиться, неким психическим образованием, которое также, не имея собственного содержания, может вобрать в себя множество различных значений, интерпретирующихся сообразно внутренним отношениям той архетипической матрицы, составной частью которой они станут. По данному критерию отсутствия собственного специфического содержания мы сравниваем и архетип со смыслом.

В поиске ответа на вопрос, каковы же могут быть генетические отношения между этими двумя ноуменальными, мы можем обратиться к исследованиям наскальных рисунков эпохи палеолита. Они позволяют некоторым ученым утверждать, что человеческий зрительный аппарат в моменты погружения сознания в «сумеречное» состояние начинает проецировать на любую находящуюся перед глазами поверхность некие зрительные образы. При этом такие образы могут не иметь ничего общего с окружающей действительностью – например, сеть линий с углом в девяносто градусов, изображенная на потолке пещеры, вряд ли может явиться отображением природного объекта. Таким образом, можно предположить, что в человеческой психике будут иметься некие структуры, не принадлежащие миру природы, – роль таких структур вполне может быть отведена архетипам. Этот выбор мы обосновываем свойством архетипа проецировать себя на внешние объекты, и важно отметить, что такие проекции могут носить очень специфический – схематичный – характер, как в приведенном выше примере.

Согласно Юнгу можно утверждать, что архетип это, прежде всего, некая схема, матрица. Хотя, возможно, вернее будет определить его как формулу или алгоритм, потому что Юнг неоднократно повторяет в своих работах, что архетипы представляют собой

не что-то движущееся, они суть само движение. Формула или алгоритм есть нечто такое, что представляет собой закономерность взаимодействия некоторых параметров, причем параметры эти могут принимать совершенно разные значения. Так, рефлекторные реакции не могли бы существовать во всех их многообразии, если бы основные параметры «алгоритма реакции» не могли бы принимать различных значений. Но Юнг подчеркивает, что между архетипом и инстинктом существует большая разница, говоря, что первый в отличие от второго кроме своей чувственной составляющей содержит также образ. Тогда можно сказать, что инстинкт движет существо к некоей цели, а архетип исходит из некоего смысла. Мы можем сделать вывод, подтверждающий одно из основных положений аналитической психологии, которое утверждает сущностное/качественное отличие человека от всех других животных – способность к созданию смыслов.

В процессе своего развития человеческий вид подвергался ряду воздействий внешней среды, приобретших для человека как природного существа катастрофический, в синергетическом смысле этого слова, характер. Они вызвали определенные генетические, морфологические и т.д. изменения, но нас, в первую очередь, будут интересовать изменения в психике представителей человеческого рода, которые привели к образованию «склонности к культуре». Например, в условиях постоянно изменяющегося климата утрачиваются некоторые инстинкты, отвечающие за поведение в определенных условиях окружающей среды. В ситуации, когда эти условия меняются очень быстро, образование новых инстинктов проблематично.

Таким образом, мы считаем, что в системе человеческой психики образовалось некое «пустое пространство», психический вакуум, который позволяет определить вид *homo sapiens* как неспецифический:

- не определяемый условиями существования;
- способный воспринять из внешней среды любое событие в качестве априорного, «инстинктивного посыла», но не самого инстинкта (здесь можно поднять вопрос о склон-

ности человеческого сознания к таким искажениям, как, например, генерализация сознания;

– способного и осуществляющего проекцию этого психического вакуума вовне, таким образом многократно усиливающего эффект, вызванный отсутствием «матрицы реагирования», или инстинкта;

– способного посредством внутреннего «вакуума» проводить многократную интерпретацию внешней «пустоты», провоцируя рождение фрактального небытия.

Но возможна ли интерпретация чего-то отсутствующего, тем более – посредством чего-то отсутствующего? Мы считаем, что в рассматриваемом случае это вполне возможно, более того – таковое *отсутствие* открывает гораздо больший потенциал для действий, подобных интерпретации, поскольку не обрекает на предзаданный результат.

Таким образом, можно говорить о циркуляции энергии в открытой системе, основными элементами которой являются психика, культура как ее производная и внешняя среда. При этом культура возникает в пространстве внешней среды, как бы проецируясь в него из психического пространства. Из восприятия внешнего мира как тождественного миру внутреннему проистекает, возможно, феномен анимизма – представление об одушевленности всех предметов и явлений окружающей среды.

Предки человека разумного случайно открыли в своем сознании эту нелепую, с точки зрения биологии, способность – наделять любое явление мира неким несуществующим свойством. Такому «случайному» открытию в немалой степени могло способствовать отсутствие у человека каких-либо определенных поведенческих инстинктов. Заметим также, что человек, согласно такой логике, мог и не стать разумным существом, поскольку период, в течение которого какой бы то ни было вид способен существовать без базовых поведенческих матриц (инстинктов), не может быть продолжительным, в противном случае животные не смогут ориентироваться в биоценозной ситуации, и вид попросту исчезнет. Человек лишен поведенческих инстинктов, но в психике его они оставили следы, «отпечатки» – архетипы.

Анализируя работы Юнга, механизм обработки архетипами поступающих в психику данных можно описать следующим образом: архетипическая матрица вбирает в себя внешний мир и особым образом его интерпретирует; затем «выносит» результат этой интерпретации вовне, проецируя результат обработки на исходный «материал» – некий внешний объект. Как правило, объекты проекции в культурной среде носят табуированный характер, т.е. оказываются вне обыденности, вне правил, фактически, вне существующей в культуре системы координат – они находятся под запретом и таким образом лишены свойства бытия. Их просто нет. Тогда получается, что и результатом интерпретации или, вернее будет сказать, обработки внешних данных является отрицание? Таким образом, человеческая психика сама по себе находится в состоянии запрета. Человек – единственное существо, которое само способно наложить запрет на собственные действия – системы табу представляют наиболее яркие примеры такого рода действий.

Человеческое сознание приобрело способность к производству смыслов в результате того, что его психика лишилась поведенческих инстинктов. Однако сама по себе эта потеря не привела бы к тому результату, который мы имеем. Генерирование семантических химер, которые первобытный человек принимал за богов, есть случайность, которая перевела количественные характеристики в качественные – бифуркация, которой могло и не быть. Именно в этом смысле человек представляет собой «ошибку» природы.

Таким образом, на начальном этапе творение культуры должно было приносить человеку удовлетворение, в противном же случае предки *homo sapiens* просто отказались бы от неприятного занятия. И здесь мы приходим к постановке вопроса об онтологическом статусе самого Смысла не просто как пустоты, но как вакуума, т.е. как состояния с наименьшей энергией. Может ли в таком случае смысл оказываться тем, что *снимает психическое напряжение, уводя его на циклическое движение*, способствующее дальнейшему порождению смыслов? С одной стороны, да... Но тогда стоит задаться вопросом:

не обрекает ли человека это свойство на не-предзаданность – на свободу? Таким образом, мы вплотную подходим к точке зрения экзистенциализма, но при этом представляем себе именно того человека, который бы изготовлял Предмет, не зная, зачем он нужен, больше того – не зная, **что** он делает; этот Предмет как бы живет сам по себе, своей собственной жизнью, независимой от воли хозяина. «Следовательно, мы можем сказать, что у ножа его сущность, то есть сумма приемов и качеств, которые позволяют его изготовить и определить, предшествует его существованию»² – архетипическое представление о Вещи может быть сформулировано почти идентично. И неслучайно говорилось в начале этой статьи о производности культуры, а следовательно, и всех ее элементов от бессознательной сферы.

В частности, с такой точки зрения мы рассматривали феноменальные переменные, и тогда можно предположить, что и научное знание, и философия могут обладать свойствами мифологемы. Так, например, одним из самых распространенных математических мифов является утверждение о невозможности деления на ноль. В таких замечаниях мы усматриваем подтверждение наших положений относительно того, что наука представляет собой такую же «феноменальную» переменную, как религия и мифология. К тому же, по словам К.Г. Юнга, психологи сегодня выполняют ту функцию, которую в древности выполняли шаманы, а в Средние века – священники. Таким образом, наука – поздняя производная от магии, которая хотя и отличается от мифа, но все же существует в ее рамках и имеет с ней теснейший контакт, наука, по одному из основных законов культурогенеза, так или иначе будет нести на себе бессознательный отпечаток мифа.

На первый взгляд, положению о случайности зарождения разума можно противопоставить факт полицентрального зарождения культуры как феномена. Но возникновение культуры вообще – как устойчивого смыслового конструкта любой формы – должно было пройти апробацию на практике в виде случайного подбора неких действий, отвечающих за производство смыслов. Мала вероятность того, что, случайно обнаружив в

своем арсенале способность *осмыслять*, первобытный человек сразу же мог повторить этот процесс некоторое количество раз. И таким образом, прежде чем появились какие бы то ни было символы, потребовался неопределенно большой промежуток времени, в течение которого человек, хотя и использовал свои новые способности, но не осознавал их. Вполне вероятно, что данный процесс мог быть весьма болезненным для человеческой психики: довольно раннее зарождение в человеке сознания явилось результатом сильных болезненных переживаний существа, уже ступившего на путь разума, но еще не способного контролировать свои реакции, – например, в ситуации убийства собственного ребенка, под впечатлениями от неудачной рыбалки или охоты. Эти переживания, в свою очередь, провоцировали новый виток процесса осознания своих действий.

Раз говорится о психике, то мы должны предположить и наличие неких механизмов, в соответствии с которыми происходит формирование культуры. Можно рассуждать следующим образом: есть инстинкт поведения в определенной среде, если среда утрачивается, то следом утрачивается и инстинкт; новый инстинкт не может укорениться в психике вследствие быстрой смены условий существования, но имеются некоторые остаточные образования – архетипы. Если нет факта актуальной реальности, то нет и реакции на него, но при этом имеется потребность в реакциях: вследствие такого положения дел формируется невроз – существо начинает совершать бессмысленные повторяющиеся действия. Действия эти носят бессознательный характер и не укореняются в социуме ввиду их несвойственности данному виду. В результате, с уходом старшего поколения младшее не перенимает от него каких-либо устойчивых форм поведения, и поиск начинается заново, причем на биологическом уровне, т.е. в некоторых группах такое поведение могло прекратиться на длительный период. Позднее, по закону действия больших чисел (иногда этот закон называют «эффектом сотой обезьяны»), некоторая группа индивидов начинает осознанно совершать определенные действия, поскольку ощущает некоторую их полезность для себя. Посколь-

ку человеческая телесность оказывается первым контрапунктом любого поведения, то, вероятно, первым видом креативного поведения был танец, а вслед за ним появляется и ритуал, который лишь с течением времени превращается в негенетическую форму передачи опыта. Таким образом, процесс смыслообразования мы трактуем как перманентный, однажды возникший и не прекращающийся процесс, по природе своей бессознательный, но могущий сопровождаться рефлексивными актами.

Но если процесс «создания» смысла, по сути, представляет собой «безрезультатный» акт – поскольку смысл есть ничто, – то возможно ли вообще рассматривать смысл как феномен, имеющий отношение к бытийной реальности? Не возникает ли в таком случае отождествления смысла и предмета? Ведь предмет сам по себе смысла не имеет – им его наделяет человек. И если происходит некое «срастание» смысла с предметом, то последний, в конечном счете, превращается в символ, приобретая свойства очередной семиопсихологемной фигуры. Под *семиопсихологемными фигурами* здесь подразумевается совокупность архетипических образов и представлений, существующих в смысловых реальностях культуры и находящихся свое выражение преимущественно в мифах и мифологемах. Эти рассуждения ведут нас к рассмотрению отношений смыслов и переживаний их человеком. Отметим, что и смысл, и архетип содержат в себе эмоциональную составляющую, но архетип не имеет сознательно-рефлексивной составляющей – этим они отличаются.

Как уже было сказано, символ может истолковываться с разных позиций, в зависимости от контекста. Любопытно отметить, что таким же свойством обладает любой факт бытийной реальности. Сопоставляя *смысловую нагруженность символа со смысловой нагруженностью факта* и учитывая, что смысл представляет собой нечто отсутствующее, можно сказать, что смысл есть факт небытия. Мы не утверждаем онтологическое отсутствие смысла, мы утверждаем онтологическое присутствие небытия – по крайней мере, в пространствах психики и культуры. В актуальной же реальности его

присутствие можно обнаружить по косвенным признакам, одним из которых является существование феномена смысла. Тогда на поставленный в предыдущем абзаце вопрос мы можем ответить положительно, поскольку, являясь небытием в мире бытия, смысл представляет собой некое «зияние в пустоте» и может вместить в себя все, на что только способна психика.

Итак, культура как феномен является производной архетипов. Согласно традициям герменевтической науки культура представляет собой некое пространство смыслов, пространство понимания. Говоря же об архетипах как источнике культуры, мы приходим к точке зрения, которая предлагает взглянуть на культуру как на то, что не только не может быть непосредственно схвачено сознанием, а имеет бессознательную природу и обладает свойством устойчивости, как архетип. Утверждая архетипическую природу культуры, мы утверждаем ее априорность, или склонность человеческой психики к сотворению культуры. Можно сделать предположение, что где бы ни «возник» человек, у него обязательно появится какая-нибудь культура, потому что без нее он жить не способен так же, как и без природы. Эмпирическая проверка такого утверждения, скорее всего, вряд ли возможна, но неужели мы где-нибудь встречали человеческое сообщество без тех или иных обрядов и традиций?

Архетипические механизмы представляют собой проекции психики во внешнюю среду, и, таким образом, следующий наш вывод заключается в том, что *смысл*, как и феномены психики, обладая онтологическим статусом небытия либо статусом недовоплощенного, виртуального бытия, фактически и есть *проявления психики*; причем психики *неординарной*, по сравнению с психикой представителей других биологических видов, возможно, даже в чем-то несвойственной миру природы. Говоря о психике без опыта, мы должны отметить, что архетип в ней представлен лишь структурой, системой осей кристалла. Архетип – такая же «структурированная пустота», как и смысл, им порожденный. В определенном смысле, архетип неспособен произвести ничего, кроме «пустоты», и, выражаясь метафорически, мы

скажем, что и символы являются такими же «вакуумными печатями»: они – часть архетипа и структурируют мир вокруг себя.

Но тогда напрашивается вопрос: самая точная и в то же время самая символическая из всех наук – математика – не является ли для европейского сознания современного типа тем же, чем являлись для древних божественные силы? Вполне возможно, особенно если мы говорим о стремлении к так называемой «формализации» окружающего мира. В проектировании новых интеллектуальных компьютерных программ сегодня немалую роль играют работы по герменевтике, феноменологии и даже, возможно, работы экзистенциальной направленности³. Так что вполне вероятно, что наши размышления имеют прикладной аспект в вопросе создания искусственного интеллекта.

Использование основных психологических характеристик при создании смысловых конструктов применимо, в частности, при определении варианта поведения человека как в бытовой ситуации конкретной культурной среды, так и в экстраординарных условиях. Мы можем даже сказать, что и работа с симулякрами современной культуры возможна примерно по тем же принципам, что и работа с архетипическими матрицами.

Примечания

¹ Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Юнг К.Г. Архетип и символ / Сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. М., 1991. С.121–122.

² Культурология: XX век: Словарь. СПб., 1997. С.319–344.

³ Сергеев В. Искусственный интеллект – это еще и экспериментальная философия // Знание – сила. 1989. №6. С.46–53.